

Научная статья. Исторические науки
УДК 327(520+93/96)
DOI: 10.31696/2072-8271-2025-4-4-69-034-047

ЯПОНСКИЙ ПОСТКОЛОНИАЛИЗМ В ОТНОШЕНИИ МАЛЫХ ОСТРОВНЫХ ГОСУДАРСТВ ТИХОГО ОКЕАНА

Елена Александровна ГОРЯЧЕВА¹

¹ ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток, Россия,
solo888@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9357-5425>

Аннотация: В статье анализируется внешняя политика Японии в отношении малых островных государств Тихого океана (МОГТО) через теоретическую призму постколониализма в рамках современных теорий международных отношений. Истоки национальных интересов Японии в АТР Японии могут быть прослежены до начала XX века, в итогах Первой мировой войны, когда Японии согласно Версальского договора были переданы права бывшие колониальные владения Германии в Микронезии, и Япония получила мандат Лиги Наций на управление островами Южных морей. В дальнейшем отношения Японии с регионом развивались неоднозначно, пройдя сложный путь от оккупации и милитаризации в период Второй мировой войны до экономической помощи и сотрудничества в целях развития в конце XX-начале XXI вв. Эта историческая преемственность анализируется с точки зрения остаточных явлений «колониального» в малых островных государствах Тихого океана. В частности, рассматривается вопрос о том, не содержатся ли элементы прежнего подхода в современной внешней политике Японии (концепция «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» (FOIP), программы поддержки в сфере изменения климата и экспорта инфраструктуры и др.), и не игнорирует ли реализация подобного подхода субъектность тихоокеанских островов и «островную точку зрения». В то же время оцениваются и усилия по преодолению негативного наследия исторической памяти о наследии оккупации, активизация культурного и гуманитарного взаимодействия, с учетом факторов окружающей среды и локальной культуры, а также вызовов и возможностей для построения равноправного партнерства между Японией и малыми островными государствами Тихого океана.

Ключевые слова: Япония, страны Тихоокеанских островов (МОГТО), постколониализм, историческая память, официальная помощь в целях развития (ОПР), Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион (FOIP)

Благодарности: Статья подготовлена в рамках темы государственного задания 1023110200001-7-5.6.1 «Азиатско-Тихоокеанский регион в условиях соперничества Запада и Большого Востока за формирование нового мирового порядка».

Для цитирования: Горячева Е.А. Японский постколониализм в отношении малых островных государств Тихого океана // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2025, Том 4, № 4 (69). С. 34–47. DOI: 10.31696/2072-8271-2025-4-4-69-034-047

Original article. Historical science

JAPANESE POSTCOLONIALISM IN RELATION TO THE PACIFIC ISLAND STATES

Elena A. GORIACHEVA¹

¹IHAЕ FEB RAS, Vladivostok, Russia

solo888@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9357-5425>

Abstract: The article analyzes Japan's foreign policy toward the Pacific Small Island States through the theoretical lens of postcolonialism within the framework of contemporary international relations theories. The origins of Japan's national interests in the Asia-Pacific region can be traced back to the early 20th century, particularly to the aftermath of World War I, when, under the Treaty of Versailles, Japan was granted the rights to the former German colonial possessions in Micronesia and received a League of Nations mandate to administer the South Seas Islands. Subsequently, Japan's relations with the region evolved in complex and often contradictory ways—from occupation and militarization during World War II to economic assistance and development cooperation in the late twentieth and early twenty-first centuries.

This historical continuity is examined in terms of the residual “colonial” elements present in the Pacific Island States. In particular, the article considers whether certain aspects of Japan's past approach persist in its contemporary foreign policy—such as the “Free and Open Indo-Pacific” (FOIP) concept, climate change assistance programs, and infrastructure export initiatives—and whether these policies risk overlooking the agency and “island perspective” of Pacific nations. At the same time, the study assesses Japan's efforts to overcome the negative legacy of occupation memory through the revitalization of cultural and humanitarian exchanges, with due consideration to environmental factors, local cultures, and the emerging challenges and opportunities for building an equitable partnership between Japan and the Small Island Developing States of the Pacific.

Keywords: *Japan, Pacific Island States (PIS), postcolonialism, historical memory, Official Development Assistance (ODA), Free and Open Indo-Pacific (FOIP)*

Acknowledgments: The paper was prepared within the framework of the state assignment topic 1023110200001-7-5.6.1 “The Asia-Pacific region in the context of rivalry between the West and the Greater East for the formation of a new world order.”

For citation: Goriacheva E.A. Japanese Postcolonialism in Relation to the Pacific Island States. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2025, T. 4, № 4 (69). Pp. 34–47. DOI: 10.31696/2072-8271-2025-4-4-69-034-047

В современном общественно-политическом дискурсе в широком смысле постколониализм трактуется как интеллектуальный и теоретический подход для критического анализа сохраняющихся политических, экономических, культурных и психологических влияний колониализма в эпоху «после (post-)» формального колониального правления. Восходя к работе Эдварда Саида «Ориентализм»¹, написанной в конце 1970-х гг. и критиковавшей репрезентацию и господство Запада над Востоком, его фокус распространяется и на не-западные бывшие империи, в том числе и на Японскую империю и её наследие. В данном случае постколониализм – это не исследование истории в чистом виде, а скорее инструмент для выявления властных отношений и «остатков колониального», скрытых в современных международных отношениях, политике помощи и культурных репрезентациях. В данной статье этот инструмент используется для интерпретации отношений между Японией и малыми островными государствами Тихого Океана (МОГТО) через три аспекта: (1) асимметричность в политической и экономической взаимозависимости, (2) признание негативного наследия исторической памяти, (3) властные отношения в культурных репрезентациях.

Постколониализм: позиция и опыт Японии

Постколониальные исследования зародились в Европе и Америке в конце 1970-х годов и с 1990-х годов стали проникать в Японию. Теоретически они находились под влиянием постструктурализма и представляли собой комплекс исследований, которые выявляли в широких сферах особенности проникновения и воспроизводства колониализма, а также искали пути преобразования сохраняющейся (и вновь создаваемой) неравноправной реальности, уходящей корнями в колониализм.²

Термин «постколониализм» (ポストコロニアリズム) сложно равнозначно перевести на японский язык. Например, исходя из префикса «пост», можно предположить вариант перевода как «после колониализма». Это создаёт впечатление, будто господство колониализма осталось в прошлом, а настоящее – это эпоха, преодолевшая его. Кроме

того, он может восприниматься в идеологическом смысле – как нечто, пришедшее после колониализма и занявшее его место. Указывая на эти моменты, следует признать, что в отношении данного термина действительно существует ряд критических замечаний³. Однако префикс «пост» здесь не означает, что колониализм как эпоха хронологически завершился. Его использование призвано обозначить общую проблему: «структуру, которая в общественном сознании считается принадлежащей прошлому, но при этом глубоко определяет современную социальность и сознание; вопрос о том, как её осмысливать и как с ней следует взаимодействовать»⁴.

Отношения между Японией и малыми странами Тихоокеанских островов являются многослойными и не могут быть сведены к простой бинарной оппозиции «колониализм – подколониальность». Самой Японии как державе присуща амбивалентность: с одной стороны, она прошла путь модернизации под полуколониальным давлением Запада (неравноправные Ансэйские договоры и т.д.), с другой стороны, впоследствии Япония сама стала империалистической державой, совершившей экспансию в Азиатско-Тихоокеанский регион. В послевоенный период она в основном перестроила отношения с соседями по АТР через экономическую помощь как «мирное государство» в рамках девятой, пацифистской статьи Конституции 1947 г.⁵ Однако в связи с изменениями геополитической обстановки, такими, как рост влияния Китая во множестве сфер, Япония усиливает свое стратегическое присутствие в МОГТО, продвигая концепцию «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» (FOIP), предложенную С. Абэ^{6 7}. Именно в пространстве Южно-Тихоокеанского региона, где переплетаются сложная историческая траектория и современные стратегии лидеров АТР, постколониальная перспектива чрезвычайно важна.

В отношении малых островных государств Тихого океана (часто – государства-архипелаги, бывшие территории мандата, зависимые территории и т. п.) японский опыт отличается от европейского или американского колониализма по ряду причин.

1. Япония как непривилегированная (в представлениях стран Запада) держава пыталась строить на подведомственных территориях имперскую модель, копируя аналогичный европейский опыт, но с присущими ей особенностями.
2. Существовали различия во временном диапазоне: японское владение над островами Тихого океана было сравнительно коротким (в основном в XX веке, большей частью в период сразу после Первой мировой войны и до капитуляции во Второй мировой войне).

3. После Второй мировой войны Япония уже не имела формального контроля над территориями МОГТО, но могла оказывать влияние на них при помощи «мягкой силы»: через программы официальной помощи развитию, дипломатические инициативы, гуманитарные обмены и т. п.

Историческая траектория: от Южных морей к послевоенному периоду

После Первой мировой войны Япония получила от Лиги Наций мандат на управление островами Южных морей (委任統治地域南洋群島) (ныне Палау, Северные Марианские острова, Маршалловы острова, Федеративные Штаты Микронезии)⁸. Хотя формально она была обязана обеспечивать благополучие местного населения, фактическое управление было сосредоточено на экономической эксплуатации. Конфискация земель и низкооплачиваемый труд местного населения сформировали колониальную экономическую структуру, и в данном случае ярким примером служит деятельность компании «Нантё ко:хацу» (南洋興発株式会社) по выращиванию сахарного тростника⁹.

Одновременно колониальными органами управления Японии проводилась политика ассимиляции, для чего в метрополии была разработана специальная система общего образования жителей островов. При этом власти умело использовали образы островитян как «нецивилизованных» и «варварских» народов. Япония критически оценивала колониальные модели, применявшиеся в регионе прежними державами – Испанией и Германией, и выстраивала образовательную политику в противопоставлении им. Колониальные военные власти изначально продвигали на островных территориях образование, направленное на ассимиляцию/японизацию (日本への「同化」) населения, однако реализация этой идеи на островах с совершенно иной культурной основой оказалась трудной. Из школ на островах стали поступать многочисленные отчёты о проблемах, что вынудило колониальные власти сменить курс. Новый лозунг звучал так: прежде чем «японизировать островитян», необходимо «очеловечить их»¹⁰.

Колониальное образование ставило перед местными жителями конкретные цели. Анализ учебных пособий по японскому (государственному) языку показал, что от островитян ожидалось, что они будут активно и добросовестно трудиться, наравне с представителями титульной нации, и включаться в состав империи как японцы. Детям островитян при помощи как учебников, так и популярных журналов,

преподавали аграрные дисциплины, направленные на подготовку к участию в колониальном освоении территорий, также от них требовалось реальное вовлечение в сельскохозяйственный труд¹¹. Развитие Южных морских островов мыслилось на основе сельского хозяйства: оно рассматривалось как фундамент «цивилизации». Также сельское хозяйство рассматривалось как средство воспитания патриотизма – любви к родной земле, которая должна была постепенно перерасти в лояльность к Японии. Это подтверждает цитата из школьной учебной программы 1930-х гг.: «Те, кто занимается земледелием, живут свободно, обладают чистым сердцем, прямоотой, послушанием, простотой и трудолюбием; они любят растения и животных, исполнены сочувствия и по природе склонны к единству и сотрудничеству. Любовь к земле и близость с ней постепенно рождают чувство любви к родине и к стране»¹².

Таким образом, описанный дуалистический взгляд со стороны метрополии на жителей МОГТО как на объект эксплуатации и одновременно как на объект ассимиляции в 1920-1940-е годы демонстрирует особенности японского колониализма, и, как представляется, может по-прежнему быть связан с навязыванием модернизации в рамках современной помощи развитию и остатками культурного превосходства со стороны бывшей метрополии.

Во время Войны на Тихом океане островные государства служили ключевыми пунктами линии национальной обороны Японии. На о. Гуам, о. Пелелиу, о. Сайпан, на Соломоновых островах происходили ожесточенные сражения, в ходе которых гибли многие местные жители. Принудительный труд в интересах японской армии и интенсивные бомбардировки армии США нанесли колоссальный ущерб местным сообществам. Историческая память об этих событиях до сих пор омрачает отношения между Японией и МОГТО.

Помимо этого, стоит отметить, что после капитуляции метрополии в войне отношения между Японией и МОГТО не были должным образом урегулированы. По Сан-Францисскому мирному договору 1951 года Япония отказалась от прав на подмандатные территории, но многие МОГТО все еще не были независимыми государствами, и не могли равноправно участвовать в переговорах. В результате МОГТО были упущены выгоды от репараций, а также они, в отличие от Китая и стран Корейского полуострова, фактически остались вне парадигмы извинений представителей правительства Японии за нанесённый ущерб и военные преступления.

Наиболее остро эта недостаточность урегулирования проявляется в проблеме неразорвавшихся боеприпасов (НРБ) и химического оружия. Особенно на о. Пелелиу и о. Ангаур (Палау) процесс разминирования продолжается до сих пор, угрожая безопасности местных жителей. Япония в лице своих НКО, таких как Japan Mine Action Service (JMAS) предоставляет финансирование для работ по разминированию территорий¹³, но оно осуществляется в рамках межгосударственного сотрудничества, а не репараций, и эти действия трудно отнести к категории полного принятия исторической ответственности со стороны бывшей страны-агрессора.

Аспекты современного участия Японии в развитии малых островных государств Тихого океана с точки зрения постколониальной критики

После войны основным инструментом восстановления отношений с МОГТО для Японии стала программа Официальной помощи развитию, или ОПР (政府開発援助)¹⁴. Развитие экономической инфраструктуры, такой как дороги, порты, аэропорты и электростанции, безусловно, способствовало развитию островов. Однако эта помощь часто критиковалась за то, что она несла в себе тенденцию навязывать японскую или западную модель развития как «универсальную» и игнорировать местный контекст и потребности. Помимо этого, в 1980-х в японском общественно-политическом дискурсе активнее, чем в настоящее время, звучал тезис о том, что реализация программы была тесно связана с экономическими интересами Японии как страны-донора и использовалась для продвижения инфраструктурных проектов, выгодных национальным корпорациям. Типичным примером является асимметричное соотношение преподносимого «дара» и возлагаемого на принимающую стону «долга». Крупная инфраструктура дарится государству-реципиенту, но ее содержание и обслуживание требуют значительных затрат, ложащихся бременем на бюджеты стран-получателей. Кроме того, при планировании и реализации проектов часто приоритет отдается японским технологиям, материалам и консультантам, а развитие местного ресурсного потенциала и отдача местной экономике ограничены¹⁵. Совокупность этих фактов может трактоваться как воспроизводство неоколониальной экономической структуры под предлогом оказания помощи. Хотя формально помощь со стороны Японии основана на «принципе запроса», тот факт, что реализация проектов, в которых предоставляется сотрудничество, тесно связано с национальными интересами Японии (обеспечение прав на рыболовство,

получение поддержки в международных организациях и т.д.), нельзя отрицать, и в этом можно усмотреть проявление постколониальных отношений МОГТО и Японии в Южно-Тихоокеанском регионе.

В начале XXI века главной идеей, определяющей политику Японии в отношении МОГТО, является концепция «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» (*Free and Open Indo-Pacific, FOIP*). Она позиционируется как геополитическая и геоэкономическая стратегия, основанная на верховенстве закона, свободной торговле и безопасности на море. Прямо в тексте концепции об этом, безусловно, не говорится, но мировое экспертное сообщество считает, что концепция создана в противовес усилению Китая на суше и на море¹⁶.

С точки зрения МОГТО, *FOIP*, хотя и провозглашает универсальные ценности «свободы и открытости», может восприниматься как идея, движимая стратегическими интересами внешних держав, таких как Япония, США, Австралия и Индия. Высказываются опасения, что Тихий океан снова становится «ареной великих держав», а островные государства рассматриваются как их «пешки». Например, поддержка инфраструктуры в противовес китайской инициативе «Пояс и путь» имеет то преимущество для МОГТО, что расширяет их выбор как получателей помощи, но также несет риск быть поставленными в положение «вынужденного выбора» между великими державами¹⁷.

Будет ли *FOIP* действительно выгодна для МОГТО, зависит от того, насколько она согласуется с собственной региональной программой МОГТО – особенно с концепцией «Голубого Тихого океана» 2022 г.¹⁸ и уважает ли их субъектность. В противном случае ее могут критиковать как введение новой формы борьбы за сферы влияния, то есть, по сути, неокOLONиальной структуры, в Тихом океане.

Перед Японией в начале XXI века остро встала проблема обеспечения собственной продовольственной безопасности. Для достижения стабильных поставок ценных рыбопромысловых ресурсов на рынки Японии трудно переоценить значение экономического сотрудничества с малыми островными государствами Тихого океана, чьи исключительные экономические зоны (ИЭЗ) обширны и богаты морской биотой, особенно тунцовыми. Япония как один из крупнейших в мире потребителей и импортеров морепродуктов крайне заинтересована в получении прав на рыболовство в этих водах. Однако в этой сфере сталкиваются экономические интересы Японии и суверенитет МОГТО над ресурсами.

В рамках целей устойчивого развития ООН (SDGs) охрана и рациональное использование морских ресурсов определены как цель

14 – «Сохранение океанов и морских ресурсов и их устойчивое использование». Позиция Японии часто делает акцент на ЦУР устойчивости рыболовного промысла в ЮТР: программы подготовки кадров, направленные на усиление мер по защите морской среды, создание необходимых институциональных механизмов для достижения заявленных целей¹⁹. Однако это может рассматриваться как риторика для защиты собственных рыболовных интересов, поскольку со стороны МОГТО колониальная память об эксплуатации ресурсов внешними державами отбрасывает тень на современные переговоры о рыболовстве и выделяемых квотах на вылов. Японское технологическое сотрудничество в области устойчивого рыболовства имеет свои положительные стороны, но, когда сквозь него проглядывает национальный интерес Японии в обеспечении доступа к ресурсам, отношения не могут не приобретать асимметричный и колониальный характер.

Стоит акцентировать внимание на том, что для МОГТО последствия глобального изменения климата, такие как повышение уровня моря и экстремальные погодные условия – это вопрос выживания и наиболее важный вызов существования их государственности. Япония, в свою очередь, определила меры по борьбе с изменением климата как важнейший внешнеполитический приоритет и представила поддержку МОГТО (инфраструктура защиты от цунами, внедрение возобновляемых источников энергии и т.д.) как ключевой элемент программ поддержки развития Южно-Тихоокеанского региона²⁰.

Эти усилия являются лучшим примером сотрудничества в общих интересах для решения общей проблемы, и, как представляется, постколониальная критика к ним наименее непосредственно применима. МОГТО также нуждаются в японских технологиях и финансах, и здесь заложен потенциал для создания отношений взаимной выгоды согласно классической модели кооперации *win-win*.

Однако и у японской климатической дипломатии есть стратегический аспект. Она неотделима от национальных интересов, таких как обеспечение национальной безопасности, для чего необходимо в том числе стабильное развитие МОГТО и баланс присутствия Китая и Японии в регионе, стремление к демонстрации лидерства в международном сообществе, получение поддержки со стороны МОГТО на международных форумах и т.д. Более того, на фоне критики собственной зависимости Японии от угольной энергетики и низких целей по сокращению выбросов парниковых газов²¹, просматривается намерение использовать поддержку МОГТО для создания имиджа страны, вносящей вклад в охрану окружающей среды. Даже если сама поддержка приветствуется,

если ее воспримут как инструмент пропаганды японских национальных интересов, она содержит уязвимость, которая может быть истолкована как своего рода «зеленый колониализм».

МОГТО в своей стратегии «*2050 Strategy for the Blue Pacific Continent*» определяют свою субъектность не как *small island states* (малые островные государства), а напротив, как *large ocean countries* (крупные океанические государства): «Будучи крупными океаническими государствами, мы являемся хранителями почти 20 процентов поверхности Земли и придаём большое культурное и духовное значение нашему океану и нашей земле как общему наследию»²². Это проявление сильной воли к тому, чтобы именно островные страны Тихого океана, а не внешние державы, были субъектами, определяющими судьбу региона, в основе чего будет лежать управление морскими ресурсами и контроль над окружающей средой. Является ли политика Японии подлинно постколониальной, будет проверяться тем, насколько она уважает эту субъектность и самоопределение МОГТО, и отражает ли их в своей политике. Для этого необходим диалог в соответствии с ориентирами, установленными самими МОГТО, а не одностороннее навязывание помощи или включение МОГТО как пассивных элементов в стратегии великих держав.

Для создания эффективных механизмов исторического примирения Японии со странами Южно-Тихоокеанского региона важное значение имеют мемориализация, гражданские инициативы и трансляция исторической памяти.

Процесс урегулирования проблематики исторической памяти Японии в плане наследия Второй мировой войны в Океании характеризуется хотя и медленной, но неуклонной динамикой. Несмотря на сохраняющуюся ограниченность официальных заявлений японского правительства на государственном уровне, на субнациональных уровнях (среди неправительственных организаций и муниципалитетов) наблюдается устойчивая активность, направленная на достижение постконфликтного примирения. Ярким примером такой практики служит о. Пелелиу (Палау), где были воздвигнуты мемориальные комплексы, посвящённые не только павшим во Второй мировой войне местным жителям, но также японским и американским военнослужащим. Ежегодные церемонии поминовения, в которых участвуют члены императорской семьи Японии, дипломаты, члены парламента и ветераны, символизируют стремление к совместной коммеморации и разделённой скорби²³.

В странах Океании культурные и гуманитарные обмены с Японией обладают развитой институциональной архитектурой,

реализуемой через такие структуры, как Японское агентство международного сотрудничества (JICA), дипломатические миссии и Японский Фонд (国際交流基金). В Республике Палау данное сотрудничество проявляется в регулярных культурных мероприятиях – фестивалях, демонстрациях традиционных искусств и совместных образовательных проектах. Примечательно, что японские институциональные акторы подчёркивают необходимость не только экспорта японской культуры, но и сохранения и изучения локальных языков и культурной памяти тихоокеанских народов, что маркирует сдвиг от унилатеральной модели к реципрокной.²⁴

В полинезийских монархиях, таких как Королевство Тонга, долгосрочные программы обменов с Японией включают профессиональную подготовку местных преподавателей японского языка и его интеграцию в национальные образовательные стандарты, что детально документировано в отчетах Японского фонда. Хотя Тонга не была театром военных действий Второй мировой войны, здесь формируется модель «горизонтального» культурного диалога, которая способствует снижению асимметрии и утверждению принципа взаимного распознавания культурных кодов²⁵.

Аналогичные тенденции наблюдаются в Республике Фиджи, где японские источники фиксируют растущий интерес к изучению японского языка, реализуемый через краткосрочные курсы и программы обмена, такие как JENESYS. Институциональные адаптации в фиджийской системе образования указывают на прагматическую составляющую этих обменов, укоренённую в конкретных секторах экономики – туризме, сфере услуг и индустрии гостеприимства²⁶.

Особого внимания заслуживает нарратив «дипломатии памяти», интегрированный в культурные программы. Дипломатические представительства Японии в Палау акцентируют не только исторические японские влияния (например, языковые заимствования в палауском языке), но и императив сохранения локальной памяти о периоде мандатного управления и военных событий для трансляции последующим поколениям. Эта позиция напрямую соотносится с принципами постколониальной этики взаимности, вытесняя одностороннюю модель репрезентации Японии в пользу совместного формирования исторического нарратива²⁷.

Заключение

Отношения между Японией и МОГТО представляют собой сложное переплетение тени колониального прошлого (эксплуатация, негативное наследие войны, неоднородное послевоенное урегулирование) и современного стратегического и экономического участия (ОПР, FOIP, сотрудничество в области рыболовства). Участие Японии имеет как положительные стороны, способствующие экономическому развитию и внедрению мер по борьбе с глобальным изменением климата, так и отрицательные аспекты, такие как включение МОГТО как пассивных объектов в свои внешнеполитические стратегии без учёта их субъектности, а также недостаточное принятие исторической ответственности Японией за ведение в прошлом агрессивной войны в регионе. Именно на преодоление этих негативных сторон направлена постколониальная критика.

Для построения подлинно постколониальных отношений, то есть равноправного и устойчивого партнерства, Японии в отношении с МОГТО необходимо углублять следующие политические аспекты:

1. Тщательная проработка проблем исторической памяти.

Следует продолжать поддержку разминирования островных территорий как ответственности за последствия Второй мировой войны, а также осуществлять дальнейшее содействие совместным историческим исследованиям и диалогу, включая неправительственный уровень. Возможность официальных государственных извинений также должна серьезно рассматриваться, прислушиваясь к голосу МОГТО.

2. Уважение субъектности и «точки зрения островов».

Представляется необходимым переосмыслить концепцию FOIP и помощь в целях развития (ОПР) не только с точки зрения национальных интересов Японии или противодействия Китаю, но и с точки зрения собственной программы МОГТО – «Голубого Тихого океана». Также следует обеспечить значимое участие МОГТО в процессе формирования политики в Южно-Тихоокеанском регионе.

3. Диверсификация и равноправность отношений.

В идеале Япония может в будущем выйти за рамки бинарной оппозиции «помощь vs. доступ к ресурсам» и построить с МОГТО равноправные отношения сотрудничества, основанные на взаимной выгоде, в самых разных областях: экологические технологии, снижение риска стихийных бедствий, культурные и гуманитарные обмены. Ключевой является переориентация с позиции Японии как «дающей стороны» на позицию «совместного обучения и созидания».

Обеим сторонам диалога стоит осознать, что Тихий океан должен стать не ареной для соперничества великих держав, а совместным пространством мирного существования различных стран и культур. Только когда Япония признает ошибки прошлого и станет партнером в совместном строительстве будущего для малых островных государств Тихого океана, можно будет приблизиться к преодолению истинного смысла постколониализма.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

ГОРЯЧЕВА Елена Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории Азиатских и Тихоокеанских исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской Академии наук, Владивосток, Россия

Статья поступила в редакцию 30.10.2025;
одобрена после рецензирования 15.11.2025;
принята к публикации 30.11.2025.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena A. GORACHEVA, PhD (history), senior research fellow, Laboratory of Asian and Pacific Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia

The article was submitted 30.10.2025;
approved 15.11.2025;
accepted to publication 30.11.2025.

¹ Said, E. W. *Orientalism*. New York: Vintage Books, 1979. 378 p.

² 宮崎理. ポストコロニアル研究の視座から見た社会的排除 [Миядзакиса Осама. Социальное исключение с точки зрения постколониальных исследований] // 北星学園大学大学院論集. 2015. Vol. 3. No. 6. P. 2.

³ Loomba, A. *Colonialism/Postcolonialism*. London: Routledge, 1998. 289 p. Pp. 20-42.

⁴ 鶴飼哲. ポストコロニアリズム/(複数文化)のために: ポストコロニアリズムとクレオール性の現在 [Укай Сатоси. Постколониализм // (Во имя мультикультурализма): Современное состояние постколониализма и идентичности креолов]. Токио: 人文書院[Токио: Дзимбунсейн], 1998. P. 42.

⁵ Горячева, Е. А., Кожевников В. В. О пересмотре Конституции Японии // Россия и АТР. 2018. № 1(99). С. 133-147.

⁶ Горячева, Е. А. Значение Инициативы «Пояса и пути» для современной внешней политики Японии // Великий китайский почин: к десятилетию Инициативы «Пояса и пути». М.- Владивосток: СПб.: ООО Издательство «Русь», 2024. С. 122-146.

⁷ Japan's vision on a "Free and Open Indo-Pacific (FOIP)" // МИД Японии. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100056243.pdf>

⁸ 等松春夫. 日本帝国と委任統治 南洋群島をめぐる国際政治(1914-1947) [Томацу Харуо. Японская империя и мандатное управление: международная политика вокруг островов Южных морей (1914-1947)]. 名古屋: 名古屋大学出版会[Нагоя: Нагоя дайгаку сьуппанкай], 2011. P.52.

⁹ 高木茂樹. 南洋興発の財政状況と松江春次の南進論 [Такаги Сигэки. Финансовое положение компании «Наньё Ко:хацу» и концепция южной экспансии Мацуэ Харудзи] // アジア経済. 2008. Vol. 49. No. 11. P. 26-46.

¹⁰ 猶井 咲喜. 日本統治下の南洋群島における植民地教育[Наои Саки Колониальная политика Японии в сфере образования на островах Южных морей]. Токио: 東京外国語大学大学院総合国際学研究所[Токио: Токио гайкокуго дайгаку дайгакуин со:го: кокусайгаку кэнкю:ка], 2022. P. 43-44.

¹¹ Наои Саки. Колониальная политика Японии... P. 76.

¹² Наои Саки. Колониальная политика Японии... P. 74.

- ¹³ 2025年9月 パラオ活動状況 [Деятельность организации в Палау в сентябре 2025 г.] // Japan Mine Action Service (JMAS). 06.10.2025. URL: <https://jmas-ngo.jp/activity/2025年9月 パラオ活動状況>
- ¹⁴ ODA 政府開発援助 [Официальная помощь развитию] // МИД Японии.
URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/>
- ¹⁵ 鷲見一夫. ODA援助の現実 [Суми Кадзуо. Реальность «Официальной помощи развитию»]. 東京: 岩波新書 [Токио: Иванами Сётэн], 1989. 224 pp.
- ¹⁶ Горячева, Е. А. Значение Инициативы «Пояса и пути»... С. 122-123.
- ¹⁷ Горячева, Е. А. Значение Инициативы «Пояса и пути»... С.130-131.
- ¹⁸ 2050 Strategy for the Blue Pacific Continent // Pacific Islands Forum.
URL: <https://forumsec.org/sites/default/files/2023-11/PIFS-2050-Strategy-Blue-Pacific-Continent-WEB-5Aug2022-1.pdf>
- ¹⁹ 太平洋島嶼国のSDG14「海の豊かさを守ろう」プロジェクト [Проект островных государств Тихого океана по цели SDG 14 «Сохранение богатства океанов»] // JICA.
URL: <https://www.jica.go.jp/oda/project/1900682/>
- ²⁰ 太平洋の気候変動に対する強靱性向上のための革新的解決策の活用に関する能力向上プロジェクト [Проект по укреплению потенциала в области использования инновационных решений для повышения устойчивости к изменению климата в Тихоокеанском регионе] // JICA.
URL: <https://www.jica.go.jp/oda/project/202209976>
- ²¹ Adebayo, T. S., Awosusi, A. A., Oladipupo, S. D. et al. Dominance of Fossil Fuels in Japan's National Energy Mix and Implications for Environmental Sustainability // International journal of environmental research and public health. 2021. Vol. 18(14), 7347.
URL: <https://doi.org/10.3390/ijerph18147347>
- ²² 2050 Strategy for the Blue Pacific Continent // Pacific Islands Forum.
URL: <https://forumsec.org/sites/default/files/2023-11/PIFS-2050-Strategy-Blue-Pacific-Continent-WEB-5Aug2022-1.pdf>
- ²³ Statement By the Chief Cabinet Secretary on the Visit to the Republic of Palau by Their Majesties the Emperor and Empress of Japan // МИД Японии. 10.04.2015.
URL: https://www.mofa.go.jp/press/release/press4e_000716.html
- ²⁴ 日本文化フェスティバルの開催 [Открытие фестиваля японской культуры] // Посольство Японии в Палау. 21.01.2024. URL: https://www.palau.emb-japan.go.jp/itpr_ja/11_000001_01131.html
- ²⁵ トンガ (2023 年度) [Тонга: 2023 финансовый год] // JPF.
URL: <https://www.jpjpf.go.jp/j/project/japanese/survey/area/country/2023/tonga.pdf>
- ²⁶ フィジー (2023 年度) [Фиджи: 2023 финансовый год] // JPF.
URL: <https://www.jpjpf.go.jp/j/project/japanese/survey/area/country/2023/fiji.pdf>
- ²⁷ 広報文化 [Информационно-культурная политика] // Посольство Японии в Палау. 03.09.2025. URL: https://www.palau.emb-japan.go.jp/itpr_ja/culture.html